

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Елены Малиновской
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ТЕНИ ДЕМОН-ХРАНИТЕЛЬ. СДЕЛКА

Цикл
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВУЛДИЖА,
ПОТОМСТВЕННОГО НЕКРОМАНТА»

ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ ПРАВИЛА ЧЕРНОЙ НЕКРОМАНТИИ

Цикл
«ИГРЫ С БОГАМИ»

ТАНЕЦ НАД БЕЗДНОЙ БЕЗЫМЯННЫЙ БОГ КОНЕЦ ИГРЫ

Дилогия
«КРОВЬ НА МОЕМ КЛИНКЕ»

КОДЕКС УБИЙЦЫ КОДЕКС ДРАКОНА

Елена МАЛИНОВСКАЯ

ДЕМОН-ХРАНИТЕЛЬ. СДЕЛКА

Роман

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М19

Серия основана в 2004 году
Выпуск 406

Художник
А. Сальников

Малиновская Е. М.

М19 Демон-хранитель. Сделка: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 344 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1139-9

Никогда не знаешь, какие превратности судьбы тебя ожидают в будущем. Еще несколько дней назад я принадлежала к знатному роду и готовилась к первому выходу в свет. Моей самой большой проблемой был вопрос выбора платья к столь знаменательному событию. А уже сегодня меня едва не приговорили к смерти на костре за занятия запрещенным колдовством. Пришлось бросить дом, семью и бежать в другую страну, спасая свою жизнь. А все из-за того, что однажды я встретила на узкой лесной тропинке симпатичного незнакомца и имела неосторожность разговориться с ним. Впрочем, обо всем по порядку...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1139-9

© Малиновская Е. М., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Часть первая ЗНАКОМСТВО

Было два часа пополудни, когда я решилась на побег. Крадучись пробралась мимо комнаты родителей, по дороге подивившись молодецкому храпу моего батюшки, который изволил почивать после сытного обеда, закончившегося всего полчаса назад. Сморил сон и остальных постоянных обитателей дома. Только в обеденном зале хлопотали служанки, убирая тарелки и расставляя стулья после трапезы. Мимо дверей этого помещения я прошла уже не таясь. И рыжая нахалка Ельгия, которая постоянно самым наглым образом перечила хозяевам и была уже неоднократно в наказание за это оставлена без ужина, и тихая, скромная Ольгетта прекрасно знали о моих ежедневных отлучках из дома. Знали они и то, куда я собиралась. Поэтому лишь одобрительно помахали мне рукой и вдвойне засуетились, торопясь окончить уборку. Зуб даю, и часа не пройдет, как они присоединятся ко мне на берегу озера, торопясь накупаться вдоволь, пока остальные домочадцы сладко отдыхают. А я и не против — вместе веселее. Тем более что служанки всего на пару лет меня старше, то есть общих тем для разговоров всегда хватает. Интересно ведь обсудить подальше от ушей грозной воспитательницы, как смуглый черноволосый конюх Ирган накануне многозначительно перемигивался с Ельгией, а деревенский весельчак и балагур Нортон ни с того ни с сего вручил Ольгетте при случайной встрече букет полевых цветов.

Однако у самого порога дома меня поджидало разоча-

рование. Стоило мне только взяться за дверную ручку, как позади раздался свистящий гневный шепот:

— Саэрисса Катарина, куда вы собрались?

Я тихо прошептала ругательство, которому меня накануне научил Ирган. Правда, смысл его ускользнул от моего понимания, было там что-то про собак и их размножение, но, судя по пунцовому лицу конюха и тому, как он умолял меня не выдавать его, если кто-нибудь спросит, откуда я знаю такие слова, это выражение считалось сверхнеприличным.

— Саэрисса, что вы там бормочете себе под нос? — Шепот ощутимо приблизился, и в мое плечо пребольно вцепилась костлявая сухенькая ручка. — Еще раз повторю вопрос: куда вы собрались?

Я нехотя повернулась и смиренно уставилась себе под ноги, опасаясь даже лишней раз посмотреть на тин Ималию — высокую худощавую старуху, в любую погоду затянутую в строгое черное платье. Не стал исключением и этот день, хотя на улице царила жаркая солнечная погода.

Тин Ималия обучала меня хорошим манерам, правилам этикета и ромалийскому языку, готовя к первому выходу в свет. И я уже выть хотела от этой вездесущей старой карги, на корню пресекающей любые мои забавы. Мол, негоже девушке из знатной семьи носиться по окрестностям, гоняя воробьев и сверкая голыми щиколотками. И уж тем более негоже саэриссе щеголять совершенно неподобающим загаром, который к лицу только крестьянкам. Сейчас в моде изысканная бледность, отдающая в мертвецкую синеву. Мои родители умрут от стыда, вынужденные осенью представить высшему свету какую-то разбойницу и простолюдинку вместо скромной дочери из древнего рода.

Именно из-за нее я каждый день чуть ли не ползком покидала дом. Более чем уверена, что тин Ималия не одобрила бы мои ежедневные купания с последующим загоранием. И даже страшно подумать, в какой ужас бы

она пришла, узнав, что компанию мне в этом занятии составляют служанки!

До сего дня все проходило благополучно. Я сбегала на озеро, где проводила время в свое удовольствие, и ближе к ужину тихонько возвращалась. Но сегодня, по всей видимости, придется остаться в душном, сонном доме и сходить с ума от скуки до вечернего чаепития, по традиции проводившегося на свежем воздухе.

— Саэрисса! — Тин Ималия, и во второй раз не дождавшись ответа на свой вопрос, гневно выпрямилась во весь немаленький рост. Изрядно повысила голос, уже не утруждая себя шепотом, и принялась меня отчитывать, тыча пальцем чуть ли не мне в нос: — Катарина, вынуждена признать: вы мое самое большое разочарование! В ваши годы не пристало помышлять о развлечениях, присущих простолюдинам, но никак не представительницам дворянства. О чем вы думаете, собираясь куда-то без сопровождения слуг или охраны? Вам всего пятнадцать! А вдруг на вас нападут? Вдруг вас похитят или, не приведи небо, убьют? Да что там, у меня язык не поворачивается сказать, что могут сделать разбойники с молоденькой глупенькой девицей, тем более одетой столь... столь развратно!

И она окинула меня таким гневным взглядом, что мне моментально стало жарко дышать. Я смущенно уставилась в пол, нервно разглаживая несуществующие складки на поясе платья. И что ее так возмутило в моем наряде? Ничего не понимаю! Ну да, длиной не в пол, а немного короче, чтобы было удобнее бегать и лазить по деревьям. Но и что из этого? Ельгия порой вообще платья по колено носит, и никто ей ничего не говорит.

Однако здравый смысл подсказал мне, что приводить в пример рыжеволосую нахальную девицу, которая не раз и не два до хрипоты ругалась с Ималией, не самая лучшая идея, поэтому я промолчала. Помнится, в прошлую свою ссору со служанкой моя воспитательница так кричала, что я всерьез испугалась, не хватит ли ее удар.

— Я просто хотела прогуляться и собрать полевых цветов, — проблеяла я, разглядывая отскобленные трудолюбивой Ольгеттой половицы и опасаясь лишней раз посмотреть на разъяренную старуху. — Тин, кто на меня тут может напасть? И потом, бегаю я быстро, кричу громко...

— Это не те качества, которыми надлежит гордиться девушке из знатного семейства! — Ималия не оценила мою слабую попытку разрядить обстановку шуткой. Укоризненно зацокала языком. — Извините, саэрисса Катарина, но я буду вынуждена рассказать о вашей выходке родителям. Думаю, ваш проступок заслуживает самого сурового наказания.

Я опустила голову еще ниже, пряча улыбку на губах. Слова воспитательницы меня не напугали, а лишь рассмешили. Да, батюшка никогда не спорил с тин Ималией, когда та жаловалась на мое вопиющее поведение, поскольку сам откровенно побаивался громогласной строгой женщины. Он усердно делал вид, что мне не избежать суровой порки. Кричал, багровея лицом и потрясая над головой кулаками. Обещал выбить из меня всю дурь розгами, после чего запирался со мной в кабинете и угощал засахаренными фруктами, изредка хлеща воздух длинным тонким прутом. При каждом ударе я взвизгивала, словно от боли, но сама при этом давилась беззвучным хохотом. А потом еще целый вечер хмурилась, прихрамывала и отказывалась садиться, чем доставляла невероятное удовольствие Ималии. Только в такие моменты я видела искреннюю улыбку на лице грозной воспитательницы. Она даже добрела на несколько дней, вкрадчиво интересуясь моим самочувствием и притворно сожалея о жестокости моего отца — саэра Алония Валания.

Только одного жаль — что сегодня мне не суждено искупаться и позагорать. Остальное не так уж и страшно. Точнее, вообще не страшно. Отец никогда меня не наказывал, максимум — оставлял без сладкого, да и то всякий

раз после этого матушка тайком присылала ко мне служанку с целым блюдом конфет.

— Мне очень жаль, — все же ответила я, стараясь, чтобы это прозвучало как можно более уныло и грустно. — Простите, тин Ималия.

— Простить тебя за что? — оборвал мои извинения тихий женский голос.

Я торопливо обернулась и испуганно всплеснула руками, поскольку позади нас стояла моя матушка — саэра Алисандра. Она уже давно и тяжело болела, поэтому почти не вставала с постели. Но сейчас, видимо, заинтересовалась шумом ссоры и решила узнать, что случилось.

Матушка и раньше гордилась своей стройной талией, которую не испортило рождение двух дочерей, но сейчас она поражала просто-таки неестественной худобой, что не могла скрыть даже просторная ночная рубаша и пеньюар, накинутый поперх. Болезнь выпила из нее все соки, иссушила прежде прекрасное тело, стерла с лица все краски, из-за чего синие глаза, подчеркнутые кругами усталости и бессонницы, казались огромными. Болезнь не пощадила даже волосы. Если раньше ее белокурая коса была в руку толщиной, то теперь на плече матери лежало нечто, более напоминающее крысиный хвостик.

— Саэра Алисандра! — Ималия поторопилась приступить перед моей матерью в реверансе. Гневно сверкнула на меня глазами. — Вот видите, Катарина, до чего довело ваше непослушание! Вы ведь знаете, как плохо чувствует себя ваша мать, а между тем ей пришлось встать, чтобы призвать вас к ответу.

— Я встала потому, что услышала ваши крики, — спокойно парировала моя мать, подарив мне краткую ободряющую улыбку. С некоторым вызовом скрестила на груди руки, хотя было видно, что при этом она с трудом сдержала болезненный стон. — Так что тут происходит, тин Ималия? Почему вы кричите на мою дочь?

— Я не кричу, — несколько уязвленно отозвалась воспитательница. Матушка с показным изумлением вздер-

нула бровь, и она нехотя исправилась: — Возможно, я в самом деле позволила себе немного лишнего, но, уверяю вас, у меня были на то веские основания! Поведение саэриссы Катарины становится все более и более вызывающим! Видимо, на нее оказывает дурное влияние эта несносная девчонка — Ельгия. Саэра, при всем моем уважении, вы слишком мягки со слугами и дочерью. Не понимаю...

— Разве я недостаточно внятно спросила? — оборвала ее рассуждения моя матушка, чуть повысив голос. — Повторю в таком случае. Чем провинилась моя дочь, что вы позволяете себе кричать на нее?

— Я... Я... — Ималия стремительно побагровела.

Я невольно залюбовалась ровным пунцовым цветом ее лица. Давненько ее никто на место не ставил. Видимо, уже забыла, кто на самом деле является в доме истинной хозяйкой.

— Катарина? — смягчив тон, обратилась мать уже ко мне, поняв, что воспитательница пока не в состоянии отвечать на ее вопросы. — Чем ты так разозлила глубокоуважаемую тин?

— Я хотела нарвать полевых цветов, чтобы поставить у тебя в комнате, — сказала я, глядя на матушку до омерзения честным взглядом.

В конце концов, это даже ложью назвать тяжело: я всегда могу собрать букет на озере, а Ольгетта и Ельгия с удовольствием мне в этом помогут, сплавав за самыми красивыми кувшинками.

— Нарвать цветов? — Матушка польщенно заулыбалась. — Очень мило. Но в таком случае я совершенно не понимаю, почему Ималия на тебя так рассердилась. — И перевела испытующий взор обратно на воспитательницу, которая уже немного успокоилась. По крайней мере, нездоровый и нехарактерный румянец схлынул с ее лица, уступив место обычной бледности.

— Саэрисса кралась к выходу, словно задумала что-то нехорошее, — мрачно отозвалась она и обвиняюще ткну-

ла пальцем в мою сторону. — И посмотрите, саэра Алисандра, какое вызывающее платье на ней! Разве в таком ходят на прогулки?

Матушка изумленно хмыкнула, внимательнейшим образом оглядела меня с ног до головы и обратно и пожала плечами, явно не найдя, к чему можно придаться. На мне было скромное синее платье чуть короче положенного.

— Не понимаю, — проговорила она. — Совершенно не понимаю, о чем вы толкуете, тин Ималия. Да, в этом платье неудобно бегать по полям — длинное слишком. Но вы сами в свое время настаивали, чтобы Катарина и думать забыла о более легких нарядах. Хотя, по-моему, в такую жару только их и следует носить.

— Но, саэра! — Ималия аж взвизгнула от подобного заявления. Покачала головой, будто отказываясь верить своим ушам. — О чем вы говорите? Катарина — молодая, привлекательная девушка. Ей нельзя позволять гулять в одиночестве! Мало ли куда и к кому она на самом деле собралась! Как будто я не видела, как давеча она перемигивалась с этим мужланом Ирганом! Будь моя воля — я бы заперла ее в доме и никуда не выпускала до самого замужества! Подумайте, какой позор вы рискуете навлечь на свою семью, если во время первой брачной ночи окажется...

— Достаточно! — с неожиданной злостью рявкнула матушка. Побледнела еще сильнее от накатившей слабости, и я покачнулась к ней, испугавшись, что она вот-вот рухнет в обморок. Однако в последний момент матушка выпрямилась и продолжила с удивительным холодом в тоне: — Тин Ималия, вы позволяете себе слишком много в своих грязных домыслах. Это уже граничит с оскорблением. Не забываетесь! Катарина еще ребенок, чтобы подзревать ее в таких мерзостях. — После чего повернулась ко мне и тепло произнесла: — Девочка моя, иди по своим делам. Принеси мне самый большой букет цветов, договорились? А я немного потолкую с тин Ималией.

— Но... — пискнула я, краем глаза заметив, как воспитательница скривилась в злобной гримасе.

— Катарина! — с нажимом сказала матушка, обрывая мои возможные возражения. Попыталась мне ободряюще улыбнуться, однако лишь скривилась от вновь накатившей боли, поэтому продолжила шепотом: — Пожалуйста, Катарина, хоть ты не заставляй меня повторять. Иди туда, куда ты там хотела. Дай мне побеседовать с тин Ималией наедине. И без цветов не возвращайся. Хорошо?

Я присела перед ней в реверансе, быстро чмокнула протянутую на прощание ледяную узкую ладошку и выскользнула во двор, не рискуя больше спорить. Когда я уже закрывала дверь, то услышала, как мать холодно обратилась к Ималии:

— Уважаемая тин, пройдемте ко мне. Мне тяжело стоять и еще тяжелее ругаться, но больше терпеть ваше омерзительное поведение я не намерена. Вы не хозяйка этого дома, ясно?

* * *

Озеро располагалось примерно в миле от дома. Дорога пролегла по лесу, который начинался сразу за калиткой просторного заднего двора, густо заросшего бурьяном и пыльными лопухами. Безобразие, конечно. Раньше за порядком и чистотой следила матушка, которая одним строгим голосом и суровым взглядом могла призвать к ответу распоясавшихся слуг, но ныне, как я уже говорила, она почти не вставала с кровати. А отец, искренне опечаленный ее затянувшейся болезнью, не обращал внимания на подобные пустяки. Он привозил домой лучших целителей и травников из самых далеких деревень, выписал даже новомодного врача из соседней Ромалии — тиана Альвадеса, но все впустую.

Матушка сначала покорно лечилась, принимая все прописанные лекарства и по мере сил выполняя так на-

зываемые чудодейственные упражнения для разгона дурной крови. Она пила всевозможные отвары из трав, добавляла в утренний чай несколько капель настоя мухоморов, от чего, кстати, у нее случилось жуткое расстройство желудка, однажды даже сорвала спину, пытаясь достать затылком пятки, что якобы должно было восстановить связь между душой и телом. Но все было зря. Ей становилось все хуже и хуже. И наконец она взбунтовалась, когда тиан Альвадес, целую неделю после своего приезда употреблявший местную самогонку, чтобы облегчить себе перемену климата, протрезвел и прописал ей неделю пить мочу новорожденного теленка и обматываться на ночь простыней, вымоченной в крови молочного поросенка. Ох, какой же скандал тогда учинила матушка! Никогда в жизни не видела ее такой разъяренной. Даже когда мы с Марион — моей сестрой, которая уже год как вышла замуж и переехала в столицу, разрисовали углем все стены в гостиной. Матушка переколотила всю посуду, которую не успели убрать, кричала, что никогда и ни за что не сделает то, что рекомендовал тиан, пусть даже от этого будет зависеть ее жизнь. А потом рухнула в глубокий обморок, за краткую вспышку гнева израсходовав все свои силы. Глубокоуважаемый врач надулся как сыч и громкогласно заявил, что не желает иметь дело со столь неуступчивой больной, погрязшей в косности и предрассудках, и на следующий же день поспешно бежал из нашего имения. После его отъезда батюшка недосчитался столового серебра, а еще через несколько месяцев из близлежащей деревни явился разгневанный крестьянин, волоча за руку зарезанную девицу, видимо свою дочку, с подозрительно округлившейся талией. При этом он кричал на всю округу о том, что найдет этого смазливом ромалийца и... В общем, я не совсем поняла его дальнейших угроз, а Ирган и Ельгия, более просвещенные в плане ругательств, наотрез отказались объяснять мне смысл этих выражений. Помню только, что в них каким-то образом фигурировали родители ромалийца и

некие отношения, в которые мужик обязался с ними вступить.

Так или иначе, но бабушке пришлось щедро заплатить разгневанному крестьянину. И после этого саэр Алоний отказался от идеи найти в какой-либо другой стране врача, способного излечить матушку. По крайней мере, целители, которых он по-прежнему изредка привозил в имение, всего лишь поили матушку травяными отварами, по большей части успокаивающими, и не проповедовали столь радикальных методов лечения.

Я невесело хмыкнула, прибавив шагу. Почему-то накатил страх. Как и обычно, впрочем. Именно в этой низине, расположенной примерно на полпути к озеру, мне всегда становилось не по себе. Даже птицы здесь никогда не пели. Ветви деревьев, покрытые зеленым мхом, спускались почти до самой земли, образуя нечто вроде шатра над узенькой ниточкой едва угадывающейся среди травы тропинки. Казалось, будто из-за плотно сомкнутых стволов кто-то следил за мной недобрым взглядом. Только комары во влажном, душном сумраке чувствовали себя привольно.

Я заторопилась покинуть нехорошее место, но по злой иронии судьбы почти сразу споткнулась о выступающий из земли корень березы, вольготно пролеглий поперек моего пути. С приглушенным вскриком упала, выставив перед собой руки, и зашипела от боли, до крови разбив колени. Более того, разорвала при этом платье, что грозило мне крупными проблемами дома. Вряд ли столь вопиющий случай получится скрыть от тин Ималии. Наверняка она сейчас сильно злится, получив выволочку от моей матери, а значит, при моем возвращении осмотрит меня с ног до головы. И разбитые колени вкупе с грязным платьем послужат более чем достаточным поводом для нового утомительного разбирательства.

Я тихонечко застонала от жалости к себе. Поскольку навредить платью больше при всем желании было уже невозможно, села прямо на землю и задрала подол,

осматривая глубокие кровавые ссадины. Ой-ой-ой, даже страшно представить, что меня ждет дома! Ималия наверняка придумает всякие ужасы, которыми я якобы занималась в свое отсутствие. Опять придется краснеть перед отцом. Благо, что он меня и пальцем не тронет, но расстроится. Да и маму лишний раз волновать не хочется.

И я постыдно разревелась, размазывая по лицу слезы грязными после падения ладонями. Что же мне так не везет? Нет, не стоило идти сегодня на прогулку. Верно говорят: если дело не заладилось с самого начала, то не стоит его продолжать.

Я так упоительно и от души плакала, что не замечала ничего на свете. Наверное, именно этим можно объяснить тот факт, что я не услышала чужих шагов. Но вдруг у меня за спиной послышалось осторожное покашливание, и хриловатый мужской голос вежливо осведомился:

— С вами все в порядке?

Я взвизгнула от неожиданности и вскочила на ноги, торопливо опустив неприлично задранный подол. Обернулась и увидела перед собой незнакомого парня. На вид ему было около двадцати. Белая просторная рубаша заправлена в узкие штаны. На ногах — высокие сапоги, заляпанные грязью. Ишь ты, и где только умудрился ее выискать в такую сушь?

Парень встряхнул темной вихрастой шевелюрой и повторил свой вопрос, глядя мне прямо в глаза:

— С вами все в порядке? Я слышал, что вы плакали.

— Я споткнулась, — угрюмо пояснила я. Посмотрела на свое безнадежно загубленное платье и опять скулась. — Упала и ушиблась сильно.

— А помимо этого? — Незнакомец слабо улыбнулся, и я невольно залюбовалась необычным зеленым цветом его глаз. — Вас точно никто не обидел?

— Нет, — ответила я, в душе недоумевая, о чем он говорит. Кто может меня обидеть в нескольких минутах ходь-

бы от моего родного имени? Да меня любая собака в округе знает. Подумала немного и поспешила представиться, присев в торопливом реверансе: — Саэрисса Катарина Валания.

— Саэрисса? — с непонятной ноткой разочарования протянул парень. — Из рода Валания?

Хотел было что-то добавить, но в последний момент передумал. После чего самым невежливым образом развернулся и отправился восвояси, даже не удосужившись назвать своего имени.

Неполную минуту я ошарашенно смотрела ему вслед, отмечая каждое движение покачивающейся на плече плотно набитой котомки. Наверное, ждала, что произошло какое-то недоразумение, он одумается и поспешит вернуться. Потом поняла, что этого не произойдет, и гневно завопила во всю мощь своих легких:

— Эй ты! Что за наглость?

Юноша не обернулся на мой крик. Этого я стерпеть уже не могла. Приподняв платье, я кинулась за ним, сотрясая таинственно притихший лес своими угрозами:

— Ты!.. Как тебя зовут, нахал?.. Я пожалуюсь отцу, и он с тебя семь шкур спустит! Не знаешь, что ли, как надлежит общаться с дворянами?

Парень остановился так внезапно, что по инерции я врезалась ему в спину, от чего он, кстати, даже не пошатнулся. А вот я опять чуть не полетела на землю, однако с величайшим трудом удержалась на ногах.

— Ты!.. — От злости у меня перехватило дыхание, поэтому я сорвалась на визг. — Да что ты себе позволяе...

Незнакомый юноша обернулся ко мне так стремительно, что последняя фраза застряла у меня в горле. Неожиданно оказалось, что я стою лицом к лицу с ним и гляжу прямо в глаза, которые сейчас почему-то были совершенно черными, а не зелеными, как раньше.

— Пошла вон, — очень тихо, но разборчиво проговорил он, и у меня по позвоночнику пробежала невольная холодная дрожь. — Слышишь? Саэрисса Катарина, сей-

час ты развернешься и отправишься напрямик к себе домой. И никогда в жизни не вспомнишь об этой встрече!

— Еще чего! — больше из вредности возмутилась я.

На самом деле незнакомцу удалось меня сильно напугать. Еще никто и никогда не осмеливался со мной настолько грубо разговаривать. Душу грела лишь мысль, что дом совсем рядом, а бегаю я быстро. Да и не похож был парень на злодея, которыми так любила пугать меня тин Ималия. Однажды мне даже приснилось, что кто-то лезет ко мне в окно с загадочной целью отобрать у меня какую-то честь. Какую именно — воспитательница никогда не уточняла, обходясь весьма туманными намеками, а Ирган, когда я при удобном случае у него про это спросила, почему-то залился румянцем и на редкость глупо захихикал. Впрочем, я немного отвлеклась. Так или иначе, но после того, как я в слезах прибежала к матушке и принялась жаловаться на неведомого похитителя таинственной чести, она серьезно поговорила с Ималией, после чего эти беседы прекратились. Я уже успела забыть про них, но сейчас по непонятной причине вспомнила, глядя в черные глаза юноши. Теперь, присмотревшись, я поняла, почему они изменили цвет. Просто зрачки настолько расширились, что заняли почти всю радужку. Интересно, из-за чего такой эффект?

— Какие у тебя глаза странные, — вырвалось у меня. — Как у тебя так получается?

— Что? — переспросил юноша, растерянно моргнув. Он выглядел настолько удивленным, что я невольно возгордилась своей смелостью. Поди, ожидал, что я разрыдаюсь пуще прежнего и кинусь бежать. Пусть выкусит в таком случае! А незнакомец меж тем продолжал, опять устремив на меня немигающий жуткий взгляд, но взяв при этом более вежливый тон: — Саэрисса Катарина, идите домой! Немедленно! И никогда не вспоминайте о нашей встрече!

— Обойдешься. — Я не удержалась и показала донель-

зя опешившему парню язык. — Никуда я не пойду, пока ты не объяснишь, почему тут шляешься и чего тебе надо.

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь навязчивым жужжанием голодных комаров. Юноша смотрел на меня столь пристально, будто у меня на лбу вырос рог. Не выдержав, я потрогала его. В смысле, потрогала лоб, а не наглого незнакомца. Да нет, все нормально. Тогда чего глазеет, спрашивается?

— Поразительно, — прошептал он себе под нос, выйдя из минутного замешательства. Не обращая внимания на мой возмущенный писк, крепко взял меня за подбородок и развернул лицом к солнцу, которое проглядывалось между плотно сомкнутыми кронами. — Ничего не понимаю! Как тебе удастся заблокировать мои ментальные приказы?

— Какие приказы? — Я наморщила лоб от незнакомо-го слова, забыв оскорбиться от его своеволия. Хотела повторить вопрос про странную особенность его глаз, но не успела.

Парень вдруг вздрогнул, будто от удара наотмашь. Отпустил меня и стремительно развернулся к глухой стене леса, прислушиваясь. Не знаю, что именно он услышал, только у меня по спине неожиданно промчался табун ледяных мурашек. И незнакомец сорвался с места, устремившись в глухую, напряженную тишину леса, столь вязкую, что ее, по-моему, можно было есть ложками.

— Стой тут! — не оборачиваясь, кинул он мне.

Естественно, я не послушалась, приподняла подол платья, наплевав на все приличия, и рванула за ним, стараясь не потерять из виду его белую рубашку. Наверное, он без проблем оторвался бы от меня, но наш бег прекратился на удивление быстро. Я перемахнула через очередную корягу, преобильно ударилась локтем о какой-то сук и вдруг опять едва не врезалась в спину незнакомца. Он стоял, что-то пристально разглядывая.

— Что там? — задыхаясь, выпалила я.

Выскочила вперед и замерла, с жадным любопытством рыская глазами по совершенно пустой полянке и выискивая, что именно могло так заинтересовать юношу. Затем уставилась на огромный валун, расположенный почти по ее центру и покрытый серыми пятнами лишайников. Нахмурилась, разглядев черные огарки свечей, расставленных в непонятном порядке. От них еще поднимались тоненькие струйки дыма, будто их задули прямо перед нашим приходом. Шагнула было к камню, намереваясь рассмотреть все внимательнее, но незнакомец опять повел себя с небывалой наглостью. Он прорычал себе под нос то самое ругательство, которое я накануне услышала от Иргана, и с силой вцепился в мои плечи, останавливая меня и заставляя обернуться к нему лицом.

— Больно! — возмутилась я, сжав кулаки и всерьез собираясь заехать ему по носу, если он позволит себе что-нибудь большее.

— Замри и не шевелись! — с непонятной злостью воскликнул юноша, буравя меня вновь потемневшими глазами. — Ясно?

— Еще чего! — Я раздраженно оттолкнула его. — Кто ты вообще такой, чтобы мне приказывать? Отцу пожалуюсь — он тебе быстро мозги на место поставит. Будь ты даже тиан, все равно не имеешь права так говорить со мной — урожденной саэриссой!

Незнакомец закатил глаза и замычал в немом бешенстве. Затем с настоящим отчаянием посмотрел мне за спину, видимо, на тот самый валун, опять перевел на меня взгляд.

— Хорошо, — неожиданно решился он. Расплылся в лживой приветливой улыбке и изобразил нечто вроде поклона. — Саэрисса Катарина Валания, прошу милости простить меня за мои дурные манеры. Я ир Фабион.

Ир? Я удивленно воззрилась на него во все глаза, надеясь, что он рассмеется и признается, что разыграл меня. В жизни не видела магов! Нет, ир, конечно, еще не

настоящий маг, всего лишь ученик. Но раз носит эту приставку к имени, значит, получил право самостоятельного ведения дел и набора клиентов. Хм... Интересно, а в какой области он практикует? Если в целебной магии, то, быть может...

Перед внутренним взором опять встало изможденное лицо моей матери. Внезапно вспомнилось, как отец клял на все лады этих напыщенных идиотов магов, не желающих помочь в нашей беде даже за деньги. Мол, иронии не размениваются по мелочам. Разве им есть дело до жизни какой-то женщины? Единственный маг, согласившийся приехать к нам, запросил такую сумму только за первичный осмотр, что отец схватился за голову. Надлежало продать все имение, влезть в непомерные долги, лишь бы расплатиться с ним. И ладно, если была бы уверенность, что он действительно спасет матушку. Но нет, ирон наотрез отказался предоставить любые гарантии. Мол, сначала заплатите, я посмотрю, а уж там объявлю — берусь или нет за лечение. Естественно, в случае отрицательного решения вся сумма оставалась бы ему только за то, что отвлекся от важнейших дел королевства на какой-то пустяк.

— Ир Фабион... — Я торопливо присела в самом глубоком реверансе. — Это такая честь для меня! Скажите, а вы... Вы, случаем, лечить не умеете?

— Лечить? — Парень удивленно хмыкнул, явно не ожидая подобного вопроса в самом начале знакомства. — А с чего вдруг такой странный интерес, саэрисса? Или настолько сильно расшибли колени?

— Моя мать... — Я порывисто вздохнула, сдерживая непрошенные слезы. — Понимаете, ир, она очень, очень больна. Вы не представляете, сколько целителей и врачей у нас перебивало! И ничего! Она все так же угасает прямо на глазах.

— Угасает, говорите. — Фабион задумчиво потер подбородок. Опять посмотрел на валун. — Знаете, Катарина, давайте договоримся. Я исследую эту поляну, а вы подо-

ждете меня здесь. Только, чур, мне не мешать и разговорами не отвлекать! Если будете вести себя благоразумно и тихо, то, так и быть, я осмотрю вашу мать. Но не радуйтесь раньше времени. Вполне вероятно, что она уже слишком удалилась по дороге, ведущей в нижний мир.

Я понурилась от его жестокой последней фразы. Это пугало меня в болезни матери сильнее всего. Вдруг все наши старания бессмысленны и ей уже не помочь? Нет, не хочу об этом даже думать! Она поправится, обязательно поправится! Я в это верю, а значит, так и будет!

Фабион дождался моего слабого утвердительного кивка в знак того, что я принимаю его условия, и мгновенно изменился. От невольного испуга и изумления я аж попятилась. Нет, передо мной все так же стоял молодой парень лет на пять меня старше, темноволосый и зеленоглазый. Но вдруг проступило в его облике нечто странное. Черты лица заострились, нос хищно вытянулся, губы сложились в препротивную усмешку.

— А... — растерянно пробормотала я, намереваясь спросить, как же все-таки ему удаются такие фокусы.

Но Фабион лишь искоса мазнул по мне взглядом, и я заткнулась, моментально вспомнив наш уговор. Юноша еще некоторое время стоял рядом, словно ожидая, что я не утерплю и все-таки задам ему какой-нибудь вопрос. Затем, убедившись, что я намерена молчать, довольно кивнул и скользнул на полянку.

Он двигался столь чудно, что я прикусила язык, удерживаясь от новых расспросов. Казалось, будто под его сапогами не пригнулось ни единой травинки — настолько невесомыми были его шаги. Но перед каждым ученик мага еще надолго замирал, прислушиваясь к чему-то, мне неведомому, и продолжал путь лишь через несколько секунд, а то и минут. При всем этом Фабион шел не напрямик к камню, а кружил по загадочной траектории, то приближаясь к конечной цели своего путешествия, то отдаляясь от нее.

Я присела на ближайший пенек, с замиранием духа

следуя за парнем. Все-таки интересно, почему он так идет? Неужели ему доставляет удовольствие петлять по поляне самым причудливым образом? Вот только что был всего в шаге от камня. Нет, развернулся и отправился в противоположном направлении. Зачем?

Внезапно неестественная тишина леса, по-прежнему царившая вокруг нас, надавила на уши. На меня навалилось непонятное оцепенение. Веки стали настолько тяжелыми, что держать их поднятыми не представлялось возможным. Я медленно закрыла глаза и тут же распахнула их вновь. Потому как совершенно отчетливо разглядела лабиринт раскаленных нитей, пролегших по поляне. Именно из-за них Фабион все еще не достиг валуна. Он не мог переступить или задеть ни одной из них, поэтому был вынужден петлять. А еще я отчетливо поняла, что ученик мага видит лабиринт намного хуже меня. Иначе не проходил бы некоторые участки несколько раз кряду, не замечая узеньких проходов, ведущих к цели.

— Правее! — не выдержав, подсказала я, когда парень чуть было не свернул в неправильном направлении, собираясь зайти на новый бессмысленный круг. — Приглядишься! Там нужный тебе поворот.

И тут же пожалела о своей несдержанности. Фабион едва не оступился, вряд ли ожидая от меня подсказки. Принялся опасно балансировать на одной ноге, другой почти касаясь нити. Я замерла, от страха не смея даже вздохнуть. Нет, я не знала, что за лабиринт он пытается преодолеть, но что-то подсказывало мне, что ошибка наверняка дорого ему обойдется.

В последний момент Фабион выровнялся. Кинул на меня через плечо изумленный взгляд, но промолчал, не отругав и не задав никакого вопроса. А еще через секунду я с облегчением перевела дыхание, когда он свернул в правильную сторону.

Вскоре ученик мага уже стоял около древнего замшевого валуна. Склонился над свечными огарками, пристально изучая их расположение. Затем скинул с плеча ко-

томку, достал из нее блокнот и угольную палочку и быстро перерисовал эту картину. После чего протянул над камнем руку и что-то быстро и непонятно забормотал себе под нос.

Я поспешно зажала уши руками. Тин Ималия любила рассказывать мне страшные сказки про всяких колдунов, поэтому с самого раннего детства я твердо уяснила одну вещь: никогда не слушай заклинаний! Иначе маг украдет твою душу и сделает тебя своим верным и послушным рабом.

Фабион заметил мое движение. Судя по улыбке, тенью скользнувшей по его губам, мой страх ему весьма польстил. Но он не позволил себе надолго отвлечься. Вновь все внимание устремил на валун и внезапно сжал простертую над ним ладонь в кулак. Лабиринт раскаленных нитей вдруг полыхнул ярким белым пламенем, и я с приглушенным возгласом спрятала лицо в колени, спасая заслезившиеся глаза. Что-то громынуло, пренеприятнейше завоняло тухлыми яйцами. Я замерла, не смея даже шевельнуться. Мало ли что. Вдруг я по дурости угодила на ритуал вызова какого-нибудь жуткого создания из нижнего мира. Хотя... Не больно-то похож этот Фабион на темного мага. Мальчишка еще. Но расслабляться все равно не стоит — кто этих магов знает. Вон тин Ималия уверяла, будто они пьют кровь новорожденных, что позволяет им веками сохранять молодость. Вдруг на самом деле мой неожиданный новый знакомый — столетний старик, потехи ради принявший облик юнца?

Увлечшись этими соображениями, я забыла о необходимости подглядывать за действиями Фабиона и чуть не заорала в полный голос от ужаса, когда кто-то потряс меня за плечо. Дурное воображение уже нарисовало мне, что я угодила в страшную ловушку и вот-вот меня принесут в жертву мерзким чудовищам. Приподняла голову, готовая в любой момент задать стрекача, если мои страхи подтвердятся.

— Понравилось представление? — Фабион стоял передо мной, широко и счастливо улыбаясь.

Вряд ли он заподозрил, о чем я только что думала и каким негодяем его представила. Оно и к лучшему. Ученик мага был сейчас чрезвычайно доволен собой. По крайней мере, выглядел он до омерзения гордым, а изумрудные глаза так и светились от затаенной радости. Чудно!

— И что тебя так развеселило? — несколько сварливо осведомилась я, когда Фабион в очередной раз расплылся в улыбке до самых ушей.

— Да так, — уклончиво проговорил он. Вновь обернулся к валуну, уже совершенно пустому, и довольно потер руки. — Зуб даю, кое-кому в данный момент очень и очень не по себе.

— Что?! — Я подскочила на месте, приняв его слова на счет моей матери. Позабыв всякий страх и осторожность, схватила его за грудки. От моего напора рубашка опасно затрещала, а я рявкнула во весь голос: — Что ты сделал с моей матерью? Ты отдал ее душу какому-нибудь рогатому чудищу?!

— При чем тут твоя мать? — Фабион поморщился и принялся осторожно отцеплять мои пальцы от своей одежды. Но вдруг отвлекся от этого занятия, пораженный какой-то мыслью. Посмотрел с испуганным недоумением на камень, очищенный от свечных огарков, и уставился на меня.

— Что? — заволновалась я. Опять хорошенько его встряхнула. — Говори, что ты натворил?

— Твоя мать, — между тем медленно пробормотал Фабион. — Ну конечно же надо было сразу догадаться! Долгая, изнурительная болезнь, бессмысленность любого лечения... Катарина, ты знаешь эту вещь?

И протянул мне на ладони крохотный серебряный медальон. Я тихо охнула при виде изящной вещицы, от удивления даже забыв возмутиться тем, что он перешел на столь недопустимый по отношению к потомственной дворянке тон. Знала ли я эту вещь? Конечно, ведь я сама

подарила ее матери! Почти год откладывала карманные деньги, чтобы порадовать ее на прошлый день рождения. Правда, праздник получился невеселым, поскольку во время его матушка поругалась с кем-то из домочадцев и сильно расстроилась из-за ссоры. Но моему подарку обрадовалась, поцеловала меня и обещала, что будет носить медальон постоянно. Хм... А когда я в последний раз видела его? Так и не припомню. Сразу же после празднования дня рождения в начале весны матушка занемогла. Сперва подумали, что купленные в городе сладости оказались испорченными, но у остальных со здоровьем было все в порядке. Через недельку матушка выздоровела, пару дней хлопотала по хозяйству, а потом опять слегла, на сей раз более серьезно. Пожалуй, с того момента она больше и не выздоравливала.

Я вдруг с удивлением услышала свой взволнованный голос, рассказывающий ученику мага обо всем этом. И мне пришлось приложить немалое усилие, чтобы прекратить тараторить, после чего я гневно уставилась в его непроницаемые глаза. Но когда я замолчала — то с нескрываемым удовлетворением заметила на дне зрачков Фабиона промелькнувшее сожаление. Ага, значит, моя странная болтливость — дело его рук!

— Как ты это сделал? Как заставил меня тебе все рассказать? — спросила я, напряженно прислушиваясь к внутренним ощущениям — не вздумает ли мой язык вновь начать выкладывать секреты, не дожидаясь особого на то разрешения.

Да нет, вроде бы никакого мысленного принуждения, которым так любила пугать меня тин Ималия, я не чувствовала. Только кончики пальцев свербели от непонятной, но приятной щекотки.

— Это хорошо, — негромко пробормотал тем временем Фабион, проигнорировав мое законное недоумение. — Ты все-таки отзываешься на ментальные приказы. Но при этом необходимо, чтобы ты была расслаблена и думала о другом.

— Да что это значит — ментальные приказы?! — рассердилась я, во второй раз услышав незнакомое слово.

— Мысленные, — снисходительно пояснил Фабион, и я моментально напряглась, услышав то, что так пугало меня все это время.

Ага, права была тин Ималия! Он пытается захватить мой разум, заставить меня поступать так, как ему надо! А там, чего доброго, заставит меня продать душу какому-нибудь рогатому демону — слуге Темного близнеца.

Однако Фабион не обратил внимания на то, как я воинственно сжала кулаки, намереваясь драться до смерти, если он продолжит со мной эти отвратительные игры. А что? Вмажу посильнее, как меня учил Ирган, и деру. Авось смогу оторваться. Тут до дома-то всего ничего бежать. Но юноша, воспользовавшись тем, что я как раз отпустила его многострадальную рубашку, готовясь принять бой за собственную жизнь, достал из-за пазухи блокнот и сейчас пристально изучал перерисованное расположение сметенных с валуна огарков. Он при этом так задумчиво хмурил лоб и усердно загибал пальцы свободной левой руки, что-то подсчитывая, что я не смогла удержаться от искушения.

— Что там? — Не выдержав пытки любопытством, я выкинула из головы намерение сбежать куда подальше от ученика мага и подошла ближе. Привстала на цыпочки, чтобы заглянуть в рисунок нового знакомого. — Что это значит?

— Это значит, что я совершенно точно хочу увидеть твою матушку. — Фабион поднял голову и посмотрел на меня странно задумчивым взглядом. — А еще, думаю, нам надлежит как можно быстрее покинуть эту полянку и обсудить все мои выводы. Катарина, ты знаешь где-нибудь в округе достаточно укромное местечко, чтобы нас никто не мог подслушать или увидеть?

— Ага, разбежался, как же, — подозрительно ответила я и погрозила ему кулаком. — Тин Ималия меня преду-

преждала, чтобы я ни с кем чужим никуда не ходила. Мол, вам, парням, только одно и надо.

На самом деле я имела более чем отстраненное понятие, что именно может понадобиться парню от девушки, и просто озвучила наиболее частое предостережение воспитательницы. В отсутствие взрослых не вступать в беседы ни с кем из мужского пола и уж тем более не поддаваться на уговоры выполнить какую-нибудь просьбу, пусть даже самую пустяковую. Кстати, отец в этом вопросе был на удивление солидарен с Ималией, хотя тоже не потрудился объяснить, почему так опасны незнакомцы на узких лесных тропинках. Я лишь догадывалась, чем именно были обусловлены эти строгие требования. По-моему, к этому имела прямое отношение та самая загадочная честь, на которую якобы так любят покушаться разбойники и прочий лихой люд.

Естественно, все эти соображения я не стала выкладывать Фабиону, хотя он неожиданно развеселился от моего заявления, но удержался от неуместного смеха. Разубеждать меня в своих дурных намерениях он тоже не стал. Вместо этого ученик мага взял меня за руку и проникновенно посмотрел мне в глаза. И почему-то от этого мне моментально стало не по себе. Кончики пальцев опять засвербели от странной щекотки.

— Неужели ты не желаешь спасти свою мать? — вкрадчиво поинтересовался он, ни на миг не отводя взгляда. — Мне кажется... Нет, я совершенно точно уверен, что знаю, кто именно задумал ее убить.

Убить? Я испуганно вскинулась от этого слова. Недоверчиво пожевала губами и наконец решилась. Ладно, будь что будет. В конце концов, Ималия никогда не говорила, что надо опасаться учеников мага. Быть может, именно на них ее предостережения не распространяются?

Затем я подумала об Ольгетте и Ельгии, которые наверняка уже сбежали от нудной уборки и ждут меня на озере. Не поднимут ли они тревогу, когда не встретят

меня в условленном месте? Да нет, не думаю. Побоятся, что им сильно влетит за участие в моих шалостях. Или решат, что я собираю где-нибудь цветы для матушки. И потом, вряд ли разговор с Фабионом продлится долго.

— Хорошо, — медленно протянула я. — Пойдем. Но учти, если что — я драться умею!

И продемонстрировала ему кулак, для доходчивости сунув его чуть ли не под нос настырному юнцу.

— Весомая угроза, — со смешком пробормотал он. — Но, надеюсь, наш разговор окончится миром.

Я тоже на это надеялась, но промолчала. Напоследок окинула задумчивым взглядом таинственную полянку и невольно передернула плечами. Ой, не нравится мне все это! Что же происходит в окрестностях моего дома? Аж мороз по коже!

* * *

Для нашего разговора я выбрала противоположный берег маленького лесного озера с крутыми берегами. В душе тлела слабая надежда: если мои предположения о безобидности Фабиона были ошибочны, то Ольгетта и Ельгия услышат мои крики и придут на помощь. Однако пока мой новый знакомый вел себя вполне прилично. Ну если не считать того обстоятельства, что при виде прохладной чистой воды Фабион не устоял перед соблазном немного поплавать и смыть с себя пот и пыль долгого летнего дня. Правда, полностью раздеваться при этом он не стал, видимо опасаясь меня смутить, лишь скинул сапоги, оставив на себе брюки и почему-то рубашку. Я целомудренно отвернулась, сделав вид, будто совершенно не обращаю на него внимания, хотя украдкой продолжала изучать его. Ишь ты, худой какой! Мокрая рубашка прилипла к телу, позволяя пересчитать все ребра. Неужели самостоятельные занятия магией приносят столь мало дохода, что он себя даже прокормить не в состоянии? Отец, когда упоминал об иронах, всегда называл их

толстыми высокомерными свиньями, что само собой говорило о комплекции и повадках магов. Однако, несмотря на худощавое сложение, Фабион не выглядел заморышем или слабаком. Чувствовалась в его фигуре определенная сила. Наверное, в схватке между ним и мускулистым приземистым Ирганом я бы все-таки поставила на конюха. Но уверена, что новый знакомый успел бы хорошенько расквасить тому лицо.

Увлечшись этими размышлениями, я не заметила, как Фабион выбрался на берег и рухнул на траву рядом со мной. Встряхнул темными волосами, осыпав меня водопадом брызг.

— Сама-то искупаться не хочешь? — лукаво спросил он, заметив, с какой неприкрытой завистью я вздохнула, глядя на синюю гладь озера, миллиардами искр переливавшуюся под солнцем.

— Не при тебе же! — Я высокомерно фыркнула, украдкой покосившись на запачканный после падения подол платья и грязные ладони. — И вообще, высокородной сариссе не пристали подобные развлечения!

— Ну-ну. — Фабион улыбнулся моему гордому заявлению, но спорить не стал.

Вместо этого он потянулся за котомкой и достал свой блокнот. Я мигом замолчала, с интересом ожидая обещанных объяснений.

— На что это похоже? — спросил он и показал схему расположения огарков, над которой недавно трудился на полянке.

Я взяла в руки блокнот и задумчиво наморщила лоб. Некий порядок в этих кружочках, обозначающих то, как свечи стояли на камне, несомненно присутствовал.

Фабион любезно подвинул ко мне угольную палочку. Я взяла ее и в нерешительности замерла над листом бумаги. Не рассердится ли ученик мага, если я начну на нем черкать?

— Валяй! — разрешил он, без особых проблем угадав мои мысли. Откинулся на спину и подложил под голову

руки, словно потеряв всякий интерес к моим дальнейшим действиям. — Самому любопытно, умеешь ли ты видеть и чувствовать симметрию в отраженных заклинаниях.

Я мало что поняла в его последней фразе. Но по всей видимости, он вызывал меня на некое соревнование, сомневаясь в моих умственных способностях. Вот ведь нахал! Ну мы еще посмотрим, на что я способна.

От усердия я прикусила нижнюю губу. Прикоснулась кончиком палочки к самому верхнему кружочку, замерла, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Некоторое время ничего не происходило, но вдруг...

На уши опять надавила странная тишина. Как тогда, на поляне с замшелым валуном, оскверненным человеком. Я знала, точно знала, что вокруг царит веселый солнечный день, в глубине леса заливисто поют птицы, а гладкую поверхность озера то и дело вспарывает хвостом какая-нибудь одуревшая от жары рыба. Но меня бросило в такой холод, что зубы сами начали отбивать звонкую дробь. Я медленно, словно против воли, опустила ресницы и крепко зажмурилась. Вновь увидела лабиринт раскаленных нитей. И угольная палочка ожила у меня в руках, затанцевав на листе бумаги.

Из оцепенения меня вывел изумленный присвист Фабиона. Я открыла глаза и сама с трудом удержалась от удивленного восклицания. Потому как кружки были соединены в строгом порядке. Передо мной предстал двенадцатиконечный перевернутый крест, заключенный в круг.

— Что это? — спросила я, с нескрываемым омерзением отодвинув блокнот.

Почему-то один взгляд на непонятный символ вызвал ломоту в висках. К горлу подкатила тошнота.

— Тебе плохо? — участливо поинтересовался Фабион, верно, заметив, как украдкой я смахнула выступившую испарину. Дождался моего кивка и довольно улыбнул-

ся. — Это хорошо. Значит, искусство Темного близнеца для тебя чуждо.

Искусство Темного близнеца? Я недоуменно нахмурилась. И что он этим хочет сказать? Всем прекрасно известно, что силу магам дают боги, коих в нашем мире всего двое — Светлый и Темный братья-близнецы. Первый — бог созидания и мира, второй — разрушения и смерти. Но я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь из магов поклонялся последнему. К чему хорошему может привести колдовство, которое в своей основе имеет тлен?

— Я не понимаю, — честно призналась я. — Разве не все маги просят благословения у Светлого близнеца?

— Если бы. — Фабион печально покачал головой. — Поверь, Катарина, жить на этом свете было бы куда более приятно и легко, будь это на самом деле так. Но увы... Ты когда-нибудь слышала о некромантах?

— Вроде бы да. — Я почесала переносицу, припоминая сказки, которыми меня так любила пугать тин Ималия. — Это злые колдуны, которым для пополнения сил нужны убийства. Но разве они существуют на самом деле? Мне всегда казалось, что это такая страшилка для непослушных детей. Вроде бабайки, которая утащит тебя в лес, если не доешь кашу. Разве нет?

— Иногда реальность бывает стократ хуже любой, даже самой ужасной сказки, — витиевато отозвался Фабион. — Увы, Катарина, но некроманты существуют на самом деле. Боюсь, именно из-за одного из них и заболела твоя мать. Знаешь, что это за символ? — И кивком указал на лежащий рядом блокнот, открытый на том же месте.

— Да откуда мне знать?! — со злостью рявкнула я. Даже мимолетный взгляд на этот рисунок вернул и усилил головную боль, почти улегшуюся за время разговора. — В первый раз вижу!

— Вообще, двенадцатиконечный крест — хороший знак, — пустился в объяснения Фабион, несколько не обидевшись на мое гневное восклицание. Поняв, что мне,

мягко говоря, не по себе, он перевернул блокнот так, чтобы я больше не видела схемы. — Обычно он служит для защиты от зла. Но любой символ, будучи перевернут, приобретает противоположное значение. То есть тот, кто проводил ритуал на поляне, привлекал зло. Причем привлекал к определенному человеку — поэтому крест заключен в круг для усиления эффекта. И, увы, не надо гадать, чтобы определить, против кого был направлен этот обряд.

Я уставилась на серебряный медальон, закачавшийся перед моим носом. Фабион извлек его словно из ниоткуда с ловкостью балаганного фокусника.

— Полагаю, саэра Алисандра часто носила твой подарок? — с сочувствием спросил ученик мага, заметив, как я передернулась от его жестокого заключения. — Впрочем, она могла надеть его всего раз, чтобы навсегда оставить на нем частички своей ауры. Так сказать, опознавательный след для пиявки.

— Для кого? — переспросила я, недоверчиво ухмыльнувшись. — Для какой еще пиявки? Болотной, что ли?

— Ну-у... — Фабион мученически вздохнул, явно недовольный, что приходится объяснять мне столь прописные истины. — Видишь ли, Катарина, за все надо платить. Служение Темному близнецу забирает слишком много сил и энергии. Пожалуй, в этом плане некромантия — самый тяжелый вид магии, поскольку изначально завязана на крови и смерти. Понятное дело, никакой колдун не захочет расплачиваться за приобретенное могущество собственным благополучием и здоровьем. Намного легче отдать в уплату за долги жизнь другого человека. Но пойти на открытое убийство весьма рискованно, так как при этом нужно провести определенный ритуал, чтобы перекинуть силовые потоки надлежащим образом. Следы обряда чрезвычайно тяжело уничтожить. При нем выделяется столько энергии, что по всей округе маги поднимут тревогу, почуяв совершение запретного колдовства. Поэтому, собственно, некроманты и додумались до пиявок.

Это условное обозначение крохотному заклинанию, внедряемому в ауру обреченного человека. Оно медленно, но неотвратно высасывает его силу, от чего несчастный долго и мучительно болеет. Увы, но чаще всего затея удастся с блеском. Как ты наверняка уже знаешь, маги зачастую слишком заняты своими делами или же просят за услуги чрезмерную цену, да и потом, не могут ведь они отслеживать каждый случай продолжительной смертельной хвори. Рано или поздно человек умирает, и некромант получает достаточно энергии, чтобы продолжать творить свои темные делишки. — Фабион сделал небольшую паузу, облизнув пересохшие губы после долгой тирады, и задумчиво завершил свою речь: — Правда, это заклинание требует постоянной подпитки и обновления. Именно этим некромант занимался на той полянке. Видимо, наши шаги его вспугнули, раз он даже медальон твоей матери забыл и не убрал свечи.

Я слушала Фабиона затаив дыхание и даже приоткрыв от изумления рот. К сожалению, далеко не все его слова были мне понятны, но общий смысл высказывания угадывался более чем очевидно. Какой-то гад решил извести мою матушку. Убить ее, чтобы таким образом расплатиться с Темным близнецом.

— Вот же сволочь! — выругалась я. Подумала немного и добавила то ругательство, которое услышала от разъяренного крестьянина, приведшего с собой обесчещенную проходимцем тианом Альвадесом дочь. По-моему, ситуация заслуживала подобных крепких слов.

Фабион от неожиданности аж подскочил на траве. Воззрился на меня с таким удивлением, будто у меня на плечах выросла вторая голова.

— Что? — переспросил он, отказываясь верить ушам. — Как ты сказала?

Я с удовольствием повторила, присовокупив к выражению еще и фразу Иргана, выученную накануне, и ученик мага вдруг захохотал в полный голос, спугнув стайку птиц с ближайшей ивы, купающей свои ветви в озере.

Я обиженно насупилась, несколько покоробленная столь неуместным взрывом веселья. И что такого смешного я сказала? По-моему, тут плакать надо. Моя мать в смертельной опасности, а этот маг-недоучка смеется надо мной и моим законным негодованием!

— И что же веселого в происходящем? — хмуро поинтересовалась я.

— Да так. — Фабион отер заслезившиеся глаза и посмотрел на меня, продолжая нагло скалиться. — Катарина, прости, но я никак не ожидал, что саэрисса знает подобные слова. Чему только тебя воспитательница учит?

При воспоминании о строгой тин Ималии я погрустнела еще сильнее. Вспомнилась ее сегодняшняя ссора с моей матушкой. Зуб даю, воспитательница еще долго будет на меня сердиться из-за полученной выволочки. А если узнает, что я несколько часов кряду проболтала с незнакомым парнем, который к тому же является учеником мага, то вообще мелкими придирами с ума сведет.

— Да ладно, не злись, — легонько подтолкнул меня в плечо Фабион, решив, видимо, что я все еще сержусь на него за смех. — Просто это прозвучало так неожиданно! Я подобного даже от пьяных конюхов не слышал.

— Угадал, конюх меня и научил, — несмело призналась я. — Ирган. Он наполовину акриец, правда, оседлый.

— Акриец? — Фабион негромко хмыкнул. — Это многое объясняет. Сей народ не ругается, а разговаривает подобным образом. А еще... — На этом месте своих рассуждений он надолго замолчал, уставившись куда-то вдаль и отстукивая пальцами непонятный ритм на своей коленке.

— И что же мне делать? — совершенно убитым голосом поинтересовалась я, чувствуя, как от непрошенных слез начинает щипать глаза. — Как мне спасти маму?

Фабион с усилием моргнул, сгоняя с себя оцепенение. Перевел на меня взгляд и внезапно подмигнул.

— Не беспокойся, — проговорил он и ласково потрепал меня по щеке. Его прикосновение было таким теп-